

Некоторые сцены «Жития» в передаче Мережковского претерпевают существенные изменения. Вспоминая случай спасения от неминуемой смерти двух «замотаев», Аввакум, все «Житие» которого носило характер назидания «слышателю», на конкретном примере показывает применение заповеди: «прощайте ненавидящим вас» (при Пашкове один из «замотаев» «крови проливал и моея головы искал»; Аввакум «и другава такова же увез замотая»).⁸ Протопоп сохранил жизнь «замотаям», в прошлом своим смертельным врагам, спрятав одного из них в лодке под постель, на которую легла протопопица с дочерью; искавшие «замотая» казаки не потревожили женщин.

У Мережковского вместо конкретного, в прошлом личного недруга протопопа появляется клейменный бродяга, со следами оков на руках, очевидно, каторжник, скрывающийся от погони, — явная модернизация аввакумовского «замотая». Решающая роль в его спасении, вопреки «Житию», отведена протопопице, которая спешит спрятать беглого, в то время как протопоп хотел лишь «обнять» его и «как брату, кто б он ни был, слово доброе сказать».⁹ Очень скромным выглядит в поэме предсмертное желание Аввакума: он униженно просит у бога «хоть последний уголок в святом раю», где он мог бы видеть «милых деток, видеть Марковну мою».¹⁰ Слишком незначительная награда для Аввакума, которому, по его же словам, еще при жизни «сын божий покорил за темничное сидение и небо, и землю».¹¹

Противоречит мировоззрению Аввакума и его последний завет: проповедь любви и прощения злейшим врагам протопопа — никонианам: «Так возлюбим же друг друга — вот последний мой завет... Все в любви — закон и вера... Выше заповеди нет».¹²

Но, как известно, протопоп мечтал расправиться с никонианами, «перепластать»¹³ при удобном случае их всех во главе с Никоном. Непримируемую ненависть к злейшим своим врагам — никонианам, а не любовь и прощение завещал Аввакум и старообрядцам.

Поэма Д. С. Мережковского, в которой Аввакум показан только смиренным страдальцем и мучеником, примирившимся со своей судьбой и врагами, слишком обедняет и принижает образ протопопа.¹⁴

Совершенно прав был Н. Михайловский, оценивший поэму Мережковского как «чрезвычайно слабое» произведение, в котором поэт ушел «со всем в сторону от Аввакума».¹⁵

В поэме Максимилиана Волошина «Протопоп Аввакум»¹⁶ «Житие» изложено более полно, чем у Д. С. Мережковского: охвачено больше со-

Сытина, М., 1914, ч. I, стр. 153, 160, 167 и др.; ч. II, стр. 150—151, 166, 167—170, 248 и др.).

⁸ РИБ, т. 39, Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1. Л., 1927, стлб. 32.

⁹ Д. С. Мережковский. Протопоп Аввакум, стр. 145.

¹⁰ Там же, стр. 148.

¹¹ Челобитная (V) царю Алексею Михайловичу. — РИБ, т. 39, стлб. 764.

¹² Д. С. Мережковский. Протопоп Аввакум, стр. 148.

¹³ Челобитная царю Федору Алексеевичу. — РИБ, т. 39, стлб. 768.

¹⁴ Любопытно, что отдельные отрывки поэмы Мережковского перешли в народные песенники XX в. (см.: ИОРЯС, 1914, кн. 1, стр. 13) и в сборники старообрядческих духовных стихов (см. сборники, изданные московскими, уральскими и рижскими старообрядцами в 1907—1916 гг.).

¹⁵ Н. Михайловский. Литература и жизнь. — Русская мысль, 1892, кн. 5, стр. 139—140.

¹⁶ Поэма М. Волошина впервые опубликована в журнале «Земля родная» (Киев, 1918, № 1, стр. 13—31). Отзыв: газ. «Полтавский день», 11 декабря 1918 г., № 169. Перепечатки: Демоны глухонемые. Харьков, 1919; Берлин, 1927. В работе мы пользуемся харьковским изданием 1919 г.